Д.Т. Жовтун

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На ближайшую историческую перспективу в эволюции современного общества можно предположить усиление напряженности в отношениях между гражданским обществом и государством: гражданское общество будет наращивать попытки «экспроприации» политики, разрушая ее замкнутость, а государство будет стремиться «колонизировать» социальное пространство гражданского общества. Центром этого перманентного конфликта является проблема «централизации – децентрализации» государственной власти. Положительным результатом такого противоречия должно стать перераспределение социальных функций между государством и институтами гражданского общества: централизация стратегических решений в государственной деятельности и децентрализация оперативных структур, передача текущих социально-экономических проблем институтам гражданского общества, главным образом органам местного самоуправления.

Движимые потребностями экономического характера, экономическими интересами, индивиды структурируются в общественные и политические организации, объединения, союзы, институты для реализации этих интересов в адрес государства. Социальное поле гражданского общества есть место соотношения сил и борьбы, направленной на экспансию «жизненных миров». Социальное пространство каждого субъекта конституировано его собственностью, социальным статусом и степенью его социальной активности. Но социальное пространство стремится трансформироваться в физическое с помощью устранения или депортации «соседей» или подчинения, поглощения их жизненных полей. Социальное пространство еще не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более полно и определенно: в географическом смысле – расширение территории, земельного участка, в политическом смысле – расширение влияния на все большие массы людей и т. д.

Взаимодействия в сфере гражданского общества всегда складываются относительно какого-то предмета – природного или созданного человеком, будь то продукт материального или духовного труда. Поэтому они неизменно имеют предметный характер (не в смысле вещественной формы выражения, существования самих этих отноше-

ний, а в смысле их обусловленности каким-то объектом, предметом). Другими словами, предметный мир входит в содержание отношений гражданского общества, но не со стороны своих физико-химических или механических свойств, когда речь идет о вещной форме предмета, а со стороны тех объективных функций, какие он выполняет в процессе взаимодействия людей. Именно поэтому отношения в гражданском обществе – это отношения прежде всего интересов и на базе интересов его субъектов.

Естественным устремлением каждого члена гражданского общества является экспансия жизненного пространства, увеличение своих жизненных ресурсов в виде собственности и других предметных факторов человеческого существования. Процесс реализации подобных устремлений и есть трансформация социального пространства в физическое, которая предполагает конкретные и вполне реальные действия, затрагивающие жизненные интересы других индивидов, нарушающие их онтологическую безопасность. Предмет удовлетворения потребностей человека в таком случае выступает катализатором противоречий и конфликтов между интересами субъектов гражданского общества, которые институализируются в сфере государственной жизни.

Иными словами, все современные социальные конфликты онтологически укоренены в недрах гражданского общества, в стихии человеческих потребностей и экономических интересов. Поэтому первейшей задачей государства является рационализация этих конфликтов, правовое оформление конфликтных ситуаций, погашение разрушительных интенций энергии индивидуализма и эгоизма, введение их в цивилизованные рамки, безопасные для каждого индивида и общества в целом.

В процессе взаимодействия гражданского общества и государства постоянно возникает и разрешается объективное противоречие между политикой и экономикой, суть которого состоит в следующем. Если в политической сфере, при всех трудностях, наблюдается расширение и усиление основных политических прав, то в экономике, по мере возникновения и распространения крупных хозяйственных структур, крупного капитала (олигархов), сфера действия демократических принципов сужается. Неограниченный характер свободы предпринимательства порождает экономическое неравенство, что, в свою очередь, создает угрозу для политической демократии, смысл которой заключается, прежде всего, в равных возможностях людей и представляющих их интересы групп, объединений влиять на политические решения.

Такой экономический порядок неизбежно порождает неравенство среди граждан: неравенство в богатстве, общественном положении,

знаниях, профессиональном престиже и, что закономерно, влиянии на политику. В таких условиях государству все труднее выступать в роли объективного «арбитра». «Группы интересов» не располагают равными или уравновешивающими друг друга политическими ресурсами, государственные структуры не являются нейтральными по отношению ко всем интересам. Ясно, что организации, представляющие бизнес, имеют гораздо большие возможности воздействия на законодательные органы, что противоречит природе демократии.

Гражданское общество – одна из важнейших составляющих демократии. Общим основанием и для гражданского общества, и для демократии являются интересы, обеспечение интересов индивида и его свобода. Свобода (речь идет, прежде всего, о гражданских свободах) необходима человеку для того, чтобы выражать свое мнение, критиковать или объединяться с другими людьми.

Проблема свободы выступает одним из оснований различных по содержанию конфликтов между индивидами, реализующими свои интересы. Эту ситуацию видел еще Ж.-Ж. Руссо, задававшийся вопросом: возможно ли управлять конфликтами индивидуальных воль, оставляя неприкосновенной индивидуальную автономию. В столь категоричной формулировке эта проблема оказывается по существу неразрешимым парадоксом: любой институт способен обеспечить гармонию только за счет индивидуальной автономии. В лучшем случае можно говорить не о неприкосновенности автономии, а о минимизации ущерба для нее. Но эта формулировка связана с признанием невозможности реализации чистых форм демократии.

Представляется сомнительным тезис о демократии как некой универсальной ценности, не зависящей от уровня развития общества. Это очередная догма, на основе которой могут возникать и возникают новые социальные мифы. Демократия имеет смысл только в диалектически противоречивом единстве со своей противоположностью – элементами разумной, обоснованной авторитарности. Подобно тому как добро не может получить своего определения и не будет иметь смысла вне его соотношения со злом (как свет без тьмы, верх без низа и т. п. не получают своего содержания), так и демократия не может существовать в чистом виде, без элементов авторитарности. Демократия всегда относительна, как относительна истина. В действительности есть конкретное единство указанных противоположностей – демократии и авторитарности, – постоянно снимающееся, вновь возникающее и воплощенное в конкретно функционирующем политическом режиме. Другими словами, есть конкретная социальная ситуация, конкретное соотношение сил и интересов, требующее вполне определенной меры в соотношении демократических и авторитарных методов и средств решения проб-

лем, и исходить надо из реальности, а не очередных догм о неких универсальных формулах, представляемых в виде ключей к решению всех управленческих задач.

Говоря о России, можно отметить подлинный всплеск индивидуализма, субъективности, рост привлекательности индивидуальной свободы на фоне массового разочарования общественными системами, созданными во имя этой свободы. Люди испытывают страх перед моделями «счастливого будущего». Как остроумно заметил Альбер Камю, будущее является тем единственным видом собственности, который господа охотно уступают рабам, и люди в России все больше и больше это понимают. Все идеологии, будь они правые или левые, становятся невыносимыми с того момента, когда требуют отречения индивида от самого себя в пользу государства, политической власти. Рассматривая индивида лишь как члена коллектива, власть, по существу, демонстрирует подчеркнутое пренебрежение к уникальности личности.

Хотя естественные и неотчуждаемые права индивида получили свое закрепление в конституционных актах государств, например в английском Билле о правах 1689 г., где впервые провозглашался «примат свободы перед властью», и конституции США, одобренной в 1787 г., где недвусмысленно заявлялось, что индивид стоит выше государства и не обязан ему своей свободой, реальный политический процесс не мог не влиять на степень свободы членов гражданского общества и меру реализации их индивидуальных притязаний.

Надо считаться с реальностью: одно дело – провозглашение принципов либерализма и другое – реализация «естественных» прав человека в борьбе интересов и индивидуальных воль. В XIX в. стала очевидной тенденция имущих слоев западных стран использовать принципы либерализма исключительно в своих эгоистических интересах. В конечном счете она привела к извращению этих принципов на практике, прежде всего к «плюрализации» понятия свободы и отходу от либеральной концепции свободы. Свобода стала являться средством оправдания эгоизма наиболее сильных, стимулом к проявлению цинизма наиболее изворотливых. Автономия, которую либерализм признавал за всеми людьми, превратилась в привилегию для некоторых из них. И что показательно: в отношениях гражданского общества к государству как изначально враждебной индивиду силе не замедлили проявиться существенные для общества положения. На государство начали возлагать надежды как на фактор, способный уменьшить «издержки свободы». Стало понятно, что в отношениях между людьми, пока есть сильные и слабые, богатые и бедные, свобода является угнетателем, а закон – освободителем.

Но абсолютизация законов тоже имеет издержки, не менее трагические, чем отсутствие законов: будучи вначале вполне легитимной из-за благородного стремления оградить людей от произвола и являясь «волей народа», практика применения закона показала, что не всякий закон является волей народа и не всякая воля народа является законом, что также не могло не порождать многочисленные социальные конфликты.

Смысл демократических процедур в том и состоит, чтобы институализировать коммуникативные формы, необходимые для разумного формирования всеобщей воли. Всеобщая воля формируется двумя потоками – институционально закрепленными политическими процессами и спонтанно возникающими, не подготовленными заранее потоками коммуникации, в которые включена общественность, чья деятельность не запрограммирована и в этом смысле не организована.

Феномен «общественности» как важнейшей составляющей гражданского общества исследуется Ю. Хабермасом. Под «общественностью» Хабермас понимает совокупность различных ассоциаций, объединений, групп свободных людей, вступающих во взаимодействие свободно, создающих многомерные связи коммуникации (коммуникативности), по отношению к которым политические связи есть одна, хотя и очень важная, разновидность. «Общественность» есть символ свободных взаимодействий свободных людей. В форме «общественности» на историческую сцену выступают частные лица, которые до поры не располагают возможностями участвовать во власти, но, в своем объединении образуя публику, постепенно начинают контролировать власть и выдвигают задачи по ее преобразованию. Другими словами, «общественность» – это «пристанище», как пишет Хабермас, социальное пространство, где люди свободно выражают свои мысли и изливают свои эмоции. Опорными точками «общественности» вначале выступали различные маргинальные формы: клубы, театры, пресса и другие публичные образования.

Итак, роль и значение «общественности» в эволюции гражданского общества заключается в том, что, будучи не вовлеченной в исполнение властных функций, она выступает существенным противовесом государственной власти.

Но «общественность» должна обладать «коммуникативной компетенцией», а для этого необходимо вырабатывать иммунитет против манипуляции сознанием граждан средствами массовой коммуникации, находящимися на службе государства. Массмедиа современного общества, обращаясь к человеку «в среднем», а не к конкретным личностям, предлагают свои символы, апеллирующие не к разуму и политическому сознанию граждан, а к неосознанным склонностям

людей, и превращают их в потребляющую публику. Сама монологическая форма коммуникации, которая находит выражение в сообщениях, агитации, рекламе, развлекательных программах, лишает людей возможности мыслить и обсуждать, ставить вопросы и утверждать свою точку зрения, высказываться «за» или «против» при решении жизненно важных вопросов. Вместо разумной критики, публичного обсуждения положения дел в обществе мы имеем покорную комфортность. Между массами и правителями возникает вакуум; здесь нет истинного, эффективного механизма коммуникации. Дискутивная связь между ними утрачена, сложилось разделение на субъект управления (в лице глав соответствующих социальных институтов) и объект управления (граждан государства).

Нормальное функционирование гражданского общества предполагает восстановление свободной от принуждения коммуникации, т. е. связи, общения, всех со всеми не под давлением «идеологии», а на основе дискуссий и поиска консенсусов. Следует согласиться с Ю. Хабермасом, что все практические вопросы и важные для людей проблемы должны решаться посредством «дискурса». Дискурс – это тематическое, логически правильное и последовательное диалогическое обсуждение, все участники которого имеют равные возможности утверждать, высказываться, сомневаться.

Диалог – это особая форма диспута, которая, в отличие от монологической, предполагает равнопартнерские отношения, отсутствие принципа подчинения одного другому. Целью дискурса является достижение основанного на взаимопонимании согласия между всеми участниками. Таким образом, дискурс дает реальную возможность преодолеть многие противоречия и конфликты интересов отдельных индивидов и социальных групп, а коммуникация выступает как фактор социальных изменений. Единственным арбитром здесь является разум, что также принципиально важно для функционирования гражданского общества. Следовательно, главнейшим условием предотвращения и разрешения конфликтов, возникающих в обществе, является наличие в нем критической публичности, «общественности», коммуницирующей с политикой, государством на основе коммуникативной компетенции.

Неофициальные, диалектически подвижные структуры весьма пластичны, поэтому они четко не оформлены и институционально не закреплены и не фиксированы, в чем, собственно, и заключается их свободный характер. Они открыты, действуют спонтанно. Спонтанность есть принцип возникновения и жизнедеятельности «общественности»; ее элементы отличаются свободным формированием, текучестью, динамичностью возникновения и изменения мнений, суждений, общественной воли. «Общественность» является способом

самокритики демократии, самым действенным средством ее развития.

Но спонтанному самоопределению «общественности» угрожают опасности. Это, во-первых, проникновение в ее структуры и процессы эгоистических, деструктивных индивидуальных и групповых интересов. Постоянно наблюдаются попытки использования рождающихся структур «общественности» индивидами и группами, стремящимися к личной власти и обогащению. Во-вторых, «общественности» угрожают власть бюрократического государства, его стремление прибрать к рукам и использовать себе во благо прежде всего спонтанные процессы. Политические, экономические и административные компоненты власти все более пересекаются, переплетаются и проникают друг в друга. Во главе их стоят несменяемые руководители с идентичным происхождением и образованием. Так, сращиваются институты и интересы, образующие треугольник власти, в котором принимаются важнейшие решения. В-третьих, существует угроза окостенения, бюрократизации текучего, подвижного процесса в случае создания организованного, сплоченного общественного образования. Все эти опасные для «общественности» ситуации заключают в себе также конфликтогенный потенциал, который не медлит со своей реализацией в случае политически неграмотного отношения к структурам «общественности» и их деятельности со стороны государственной власти. Но при разумном отношении к ним, поддержании взаимодействия между государственно-правовым институционализированным образованием воли и культурно-мобилизованными объединениями общественности демократическая система плодотворно функционирует и постоянно развивается.

В эволюции демократических общественных систем появились два основных варианта демократии: «конфликтная демократия» (иногда ее называют «мажоритарная») и «унитарная (консенсуальная) демократия». Под конфликтом, или мажоритарной демократией, подразумевают прежде всего систему представительства в институтах государственного управления, принцип правления большинства, равное и тайное участие в голосовании. Поскольку интересы индивидов находятся в постоянном конфликте, целью такого типа демократии является разрешение споров и умиротворение конфликтов.

Унитарная, или консенсуальная, демократия базируется на принципах взаимного согласия, уважения, общности интересов и дружеских взаимоотношениях членов сообщества. Именно эту модель демократического соучастия в принятии решений пытались реализовать различные группы «новых левых» в 60–70 гг. Основой унитарной демократии является общность интересов, равенство статуса, а не равная защита интересов, консенсус, а не правление большин-

ства, дружеские личные взаимоотношения, а не выборное представительство.

Унитарная демократия – самая древняя из существующих человеческих организаций. Большую часть своей истории люди были объединены в сообщества охотников и собирателей, в которых решения принимались на основе унитарной демократии. Согласие всех членов достигалось в процессе общения друг с другом, прежде всего, в результате общности их интересов. Но с увеличением количества членов сообществ и расширением их географических границ круг лиц, могущих вступать в личные контакты для принятия решений, неизменно сокращался, а общность интересов размывалась. Создавались условия для столкновения интересов различных групп, возникновения социальной иерархии.

Становление рыночных отношений, сопровождающееся дифференциацией экономических интересов, послужило фундаментом системы конфликтной демократии. Конфликтная демократия, по сути, есть политическое выражение капиталистической экономики, основанной на свободной конкуренции и личном интересе; она практически вытеснила традиционную и привычную для людей модель унитарной демократии. Капиталистические отношения требуют ослабления личностных связей и усиления индивидуалистических интересов. Новая рыночная экономика разрушает узы традиционных местных связей с их сложной системой взаимных обстоятельств и отношений и способствует развитию личных эгоистических интересов. Именно принцип личных интересов и явился основой конфликтной демократии.

Вероятно, конфликтная демократия в современном государстве с его институтами избранных представителей и правлением большинства является наименее опасной формой улаживания конфликтных интересов, однако остаются и такие общественно важные задачи, для решения которых необходима унитарная демократия. Это задачи, возникающие на общенациональном, государственном уровне, способные объединять нацию, все общество на основе общегосударственных интересов. Очевидно, что в обществе должно быть место для обеих моделей демократии, так как конфликтная демократия, не учитывающая общих интересов своих граждан, и унитарная демократия, игнорирующая конфликтность интересов общества, сами по себе, в отдельности, являются ограниченными, адекватно не отвечающими потребностям гражданского общества.

Политическая практика введения демократии последнего десятилетия в тех странах, для которых характерен глубокий раскол в обществе по принципиально важным вопросам, показывает, что именно здесь общество нуждается в консенсуальной демократии. Мажоритарная

модель демократии концентрирует политическую власть в руках большинства, тогда как консенсуальная стремится различными способами разделить, распределить, сдержать и ограничить власть, что, несомненно, более приемлемо для развития гражданского общества.

Понятие «большинство» очень гибко и семантически пластично, двусмысленно. Правление большинства не обязательно означает правление простого большинства (50% плюс один). Выражение «правление большинства» включает в себя, по меньшей мере, три величины, которые часто путают: 1) квалифицированное большинство (часто большинство в две трети); 2) простое, или абсолютное большинство (50,01%); 3) относительное большинство, т. е. самое крупное меньшинство (большинство менее 50%). Поэтому отождествление демократии с правлением большинства представляет серьезную опасность для становления и нормального функционирования гражданского общества. Господство мажоритарной модели демократии может освободить общество от конфликтов, но и от свободы тоже. Более совместимой с гражданским обществом моделью демократии является консенсуальная демократия, обеспечивающая реализацию реальных свобод каждого гражданина, каждой социальной группы общества на основе их участия в поиске консенсуса.

Гражданское общество с его принципами демократического и товарно-рыночного устройства обеспечивает устойчивое и стабильное функционирование всей социальной системы. Гражданское общество и государство обусловливают друг друга и в состоянии компенсировать взаимную недостаточность или «сбой механизмов действия». Слабости рынка, например, в определенных случаях требуют корректировки его механизма с помощью государственного вмешательства. И наоборот, правительства часто не в состоянии удовлетворить ожидания членов общества и обнаруживают свою неэффективность. Тогда компенсаторную функцию выполняет гражданское общество через свои институты, вынуждая государство обучаться и быть более восприимчивым к требованиям общества.

Эта связка – реальное государство и еще не сформированное гражданское общество – принципиально важна на современном этапе развития российского общества. К сожалению, приходится констатировать, что конструктивное взаимодействие здесь пока отсутствует. Его надо налаживать. Пока превалирует взаимное отчуждение. Еще не сформировано гражданское сознание у всех слоев населения, предполагающее уважение к государственным органам, понимание их важности, с одной стороны, и пока не наблюдается уважение прав и свобод членов общества со стороны государственных органов и государственных служащих, представляющих государство.